

Наукове життя

УКРАЇНСЬКИЙ ВИКЛИК: СОЦІОЛОГІЧНІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

(«круглий стіл», проведений в рамках XVIII Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання»)

«Круглий стіл» «Український виклик: соціологічні інтерпретації» відбувся 6 листопада 2014 року в рамках XVIII Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання». «Круглий стіл» був організований та проведений Соціологічною асоціацією України та соціологічним факультетом Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Учасниками «круглого столу» стали провідні соціологи України, Росії та Європи. Під час роботи «круглого столу» обговорювалися питання, пов'язані з ситуацією, що склалася в Україні, зокрема на Донбасі, можливостями її наукової, у тому числі соціологічної, інтерпретації, з перспективами розв'язання складних політичних та соціально-економічних проблем нашого суспільства.

A roundtable discussion «The Ukrainian challenge: sociological interpretations» was held on 6 November 2014 within the framework of the XVIII International scientific conference «The Kharkiv Sociological Readings». The roundtable discussion was organized and held by the Sociology Association of Ukraine and the school of sociology of V.N. Karazin Kharkiv National University. The participants of the «roundtable discussion» were leading sociologists from Ukraine, Russia and Europe. During the discussion were handled issues related to the current situation in Ukraine, in particular in Donbas region, to possibilities if it's scientific as well as sociological interpretation, to prospects of the complicated political and socio-economic problems solution.

«Круглый стол» «Украинский вызов: социологические интерпретации» состоялся 6 ноября 2014 года в рамках XVIII Международной научной конференции «Харьковские социологические чтения». «Круглый стол» был организован и проведен Социологической ассоциацией Украины и социологическим факультетом Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Участниками «круглого стола» стали ведущие социологи Украины, России и Европы. Во время работы «круглого стола» обсуждались вопросы, связанные с ситуацией, сложившейся в Украине, в частности на Донбассе, возможностями ее научной, в том числе социологической, интерпретации, с перспективами решения сложных политических и социально-экономических проблем нашего общества.

Модератор: Бакіров Віль Савбанович – академік НАН України, ректор Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор соціологічних наук, професор, Президент Соціологічної асоціації України.

Диспутант:

Арбєніна Віра Леонідівна – кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Балакірєва Ольга Миколаївна – кандидат соціологічних наук, завідувач відділу моніторингових досліджень соціально-економічних трансформацій ДУ «Інститут економіки та прогнозування» НАН України, голова Правління Українського інституту соціальних досліджень імені О. О. Яременка;

Головаха Євген Іванович – доктор філософських наук, професор, заступник директора з наукової роботи Інституту соціології НАН України;

Даниленко Оксана Якимівна – доктор соціологічних наук, доцент, професор кафедри політичної соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Здравомислова Олена Андріївна – кандидат соціологічних наук, професор факультету політичних наук та соціології Європейського університету в Санкт-Петербурзі;

Катаєв Станіслав Львович – доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри соціології і соціальної роботи Класичного приватного університету (м. Запоріжжя);

Кізілов Олександр Іванович – кандидат соціологічних наук, завідувач кафедри методів соціологічних досліджень Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кононов Ілля Федорович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка;

Котуков Олександр Анатолійович – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри політології та філософії Харківського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентові України;

Крисенко Олексій Володимирович – кандидат філософських наук, доцент кафедри політології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кисла Ганна Олександрівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри теорії та методології соціології Інституту соціології, психології та управління Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова;

Лисиця Надія Михайлівна – доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри міжнародної економіки та менеджменту зовнішньоекономічної діяльності Харківського державного економічного університету;

Мауріціо Монтіно – монітор Спеціальної наглядової місії в Україні, ОБСЄ;

Мурадян Олена Сергіївна – кандидат соціологічних наук, доцент, заступник декана соціологічного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Мусієздов Олексій Олександрович – кандидат соціологічних наук, доцент, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Нагорний Борис Григорович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціології Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Луганськ); професор кафедри прикладної соціології та соціальних комунікацій Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Онищук Віталій Михайлович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;

Панченко Тетяна Василівна – доктор політичних наук, доцент, доцент кафедри політичної соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Погрібна Вікторія Леонідівна - доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри політології та соціології Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого;

Поступний Олександр Миколайович – кандидат філософських наук, професор, завідувач кафедри соціології та політології Національного політехнічного університету «Харківський політехнічний інститут» ;

Рущенко Ігор Петрович – доктор соціологічних наук, професор кафедри соціології та психології факультету права та масових комунікацій Харківського національного університету внутрішніх справ;

Сокурянська Людмила Георгіївна – доктор соціологічних наук, професор, завідувачка кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Філіппова Ольга Аркадіївна – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Шатохін Анатолій Миколайович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціально-гуманітарних і правових дисциплін Уманського національного університету садівництва;

Яковенко Андрій В'ячеславович – доктор соціологічних наук, доцент, професор кафедри соціології Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля, м. Луганськ.

Відкрив дискусію В. Бакіров.

Бакіров В.С.: Благодаря событиям последнего года новейшей украинской истории наша страна стала известной всему миру. Майдан, аннексия Крыма, военные действия на востоке Украины вызвали неподдельный интерес мирового сообщества. Политики, ученые, представители общественности многих стран пытаются понять, что и почему с нами происходит? Сегодня на эти вопросы попытаемся ответить и мы – украинские социологи и наши зарубежные коллеги. Нам с вами предстоит ответить на чрезвычайно важные, с точки зрения организаторов «Харьковских социологических чтений» и, в частности, этого «круглого стола», вопросы: что происходит сегодня в нашем обществе, в Европе и в целом мире; какой вектор развития выбирает современная Украина; какой проект нации реализуется в нашей стране и, наконец, есть ли у социологии понятийный аппарат, пригодный для анализа событий, происходящих в Украине.

Итак, начнем с вопроса о том, что же у нас происходит.

Пожалуйста, Евгений Иванович, Вам слово¹.

Головаха Е.И.: Я долго думал, что же произошло в нашей стране. Я понял, что я был не прав, когда критически оценивал известного, иногда скандального историка Николая Гумилева, который много говорил о пассионарности, о степи и многом другом, о чем вы знаете. На самом

¹ Виступи учасників «круглого столу» надаються мовою оригіналу.

деле, то, что происходит у нас - это третье нашествие дикой степи на Европу. Первое было, когда пришли гунны. Украины тогда такой не было, были остатки сарматов, которые доедали остатки скифов, поэтому их смели незаметно для истории. Европу очень хорошо потрепали, она надолго ушла в глухие века. Второе известное нашествие было через 800 лет, это нашествие Батыя на Европу. Украину уже заметили, она называлась Киевская Русь. Ее заметили, отчасти уничтожили, отчасти оставили какие-то ошметки на Галичине и в Новгороде - то, что, собственно, и осталось каким-то, так сказать, прообразом славянской демократии. А потом дошли до Европы, но случилось у степи несчастье - умер хан Угэдэй, и хан Батый решил вернуться, чтобы решить свои внутренние проблемы, иначе, конечно, Европы б не было. Но прошло еще 800 лет, и степь возродилась, степь идет, степь дошла уже до Украины и будет идти дальше, и пойдет в Европу. С этой точки зрения, перспектива, конечно, достаточно сложная. Это такие глобальные тренды, но, с моей точки зрения, есть и гораздо более для нас важные, я считаю, что у Украины сейчас третий шанс.

Первый шанс - смели Украину, как будто ее и не было, второй шанс - сопротивлялась, но сдохла, третий шанс - вот сейчас все от нас зависит. И с этой точки зрения, отвечая на вопрос о перспективах, скажу так: у нас рентоориентированное общество. Была такая тема, участвовало 28 стран со всего мира, я был социолог, а все были экономисты. И мы пришли к выводу, что это рентоориентированное общество. Всё, что до сих пор делалось, - это просто проедался государственный пирог.

Первый пирог доели Л. Кравчук с командой бывших секретарей ЦК. Второй пирог доел красный директорат вместе с Л. Кучмой. Они тоже ушли, когда почувствовали, что им ничего уже не остается. Третий пирог доедали комсомольцы: В. Ющенко, Ю. Тимошенко и все прочие. Четвертый пирог достается очень сложной комбинации: и АТО, и олигархи, и патриоты, и казаки. Это абсолютно аморфный конгломерат людей. И наша задача, я считаю, наша задача - создать гражданское общество, которое все-таки сегодня уже зарождается. Если этого не случится, опять начнут сейчас жрать пятый пирог - от нас, извините, ничего не останется.

Это, так сказать, я начал. А дальше, кто, что думает по этому поводу?

Бакиров В.С.: Спасибо огромное, Евгений Иванович. Я думаю, в ближайшие 800 лет нам ничего не грозит.

Головаха Е.И.: 800 лет не будет ничего грозить, если мы сейчас устоим.

Бакиров В.С.: Я бы хотел, уважаемые коллеги, вот о чем сказать, вернуться к теме. Я вижу три перспективы для Украины.

Одна перспектива - это, действительно, через 10-20 лет стать членом Европейского союза, стать европейским государством по ментальности, по культуре, по стандартам, по уровню жизни и т.д. Насколько эта перспектива вероятна, я не знаю.

Вторая перспектива - это реинкарнация в то, что раньше называлось Советским Союзом. Сейчас это называется Россией, Российской Федерацией. Стать ее частью де-факто, будучи полностью подчиненными влиянию политическому, экономическому, культурному, даже оставаясь де-юре независимым государством.

А третья перспектива - это состояние неопределенности. Вот такой кризисной стагнации, где все время будет происходить социальное гниение и т.д., и т.д.

Давайте рассмотрим первую перспективу. Есть ли у нас шанс стать Европой? Как говорил, не вспомню сейчас, кто, «Украина - это не Европа, но это интенция быть Европой, это стремление быть Европой». Эта интенция существует. Она существует даже на Донбассе, может, в меньшей степени, чем в Галичине, о чем сегодня мы услышали на пленарном заседании нашей конференции.

У меня такой вопрос, товарищи выступающие, есть ли у нас какие-то основания претендовать на реализацию этой перспективы? Есть ли у нас какие-то «плюсы», есть ли у нас какие-то ресурсы: человеческие, интеллектуальные, какие-то еще? Если они есть, значит, перспектива является более-менее реалистичной. Если нет, то переходим ко второй перспективе.

Итак, может быть, я зря вот так направляю в это русло нашу дискуссию, но мне интересно, есть ли у нас шанс стать европейским государством. Если есть, то на чем эти шансы базируются? Давайте вместе подумаем над этим в ходе нашего «круглого стола».

Прошу, Анна Александровна.

Кислая А.А.: У меня только эмпирические данные, полученные в мае этого года центром «Демократические инициативы». У них был такой вопрос «Считаете ли Вы себя европейцем?» Опрос проводился по всем регионам, в том числе на Донбассе. Так вот, на востоке считают себя европейцами 28% опрошенных, на Донбассе - 11%, на западе - 59%.

Бакиров В.С.: Спасибо, очень интересные данные. Ольга Аркадьевна, пожалуйста. Тем более, что Вы только что из Европы.

Филлипова О.А.: Спасибо, данные, действительно, интересные, но я хочу обратить наше внимание на очень важный момент - что понимается под европейцем. Например, наши исследования, еще начиная с 2002 года, показали, что, в контексте понимания сути европейскости наш народ прежде всего апеллирует к европейским стандартам жизни, а не к ценностям свободы, равенства и т.д. Мне кажется, что в ходе социологических исследований очень важно прояснить, что наши респонденты понимают под европейскостью. И тогда эти 28% и 11%, полученные в Восточной Украине, станут более понятными. Если европейскость понимается как стандарты жизни, если отбрасываются ценности и т.д., тогда это одно (замечу, что в восточной Украине, по данным многочисленных исследований, 5% считают себя европейцами с точки зрения стандартов жизни). Поэтому, мне кажется, что в этих опросах очень важно заклады-

вать такие индикаторы, которые помогали бы нам понять восприятие европейскости населением. Однако надо помнить, что мы задаем какие-то исследовательские схемы, схемы восприятия, а как они прочитываются респондентами – это уже совершенно другой вопрос.

Бакиров В.С.: Спасибо, Ольга Аркадиевна. Я вспоминаю статью, довольно свежую, Евгения Гришковца, где он пишет, что всегда считал себя европейцем: и одевался, как европеец, и старался выглядеть, как европеец. А потом вдруг осознал, что он абсолютно не европеец, и объясняет, почему, но это долго, я не буду сейчас это излагать. Думаю, что если бы спросили присутствующих в этом зале, мы бы тоже дали только 10–15% утвердительных ответов на вопрос о том, считаем ли мы себя европейцами. Ведь нам до европейцев очень далеко. Но не в этом проблема. Когда я посоветовал эту статью Е. Гришковца своей коллеге, которая намного меня моложе, она была возмущена. Она сказала: «Конечно, вы, старшее поколение, – уже отработанный материал, какие вы европейцы, а вот мы уже будем в Европе». И на самом деле, подрастающее поколение европейцев, которое уже бывало в Европе, больше знает о ней, в отличие от людей старшего возраста, которые Европу знают только по телевидению, по фильмам (большой частью по советским фильмам), то есть, что такое Европа они не представляют. Даже мы, уважаемые коллеги, просвещенные социологи, бывавшие в Европе, мы тоже не знаем ее, не понимаем, не чувствуем. Там надо жить, чтобы понимать, ощущать, а мы, что мы видим за 5–10 дней. Провести 5 дней в Париже – это одно, а жить там годами на социальное пособие или жить в бедном квартале – это ведь совсем другое. Поэтому, что такое Европа мы слабо представляем.

Так, пожалуйста, слово предоставляется профессору Катаеву Станиславу Львовичу.

Катаев С.Л.: Я хочу обратить внимание еще на один аспект, на эффект принуждения к идентичности. Это большое искушение элиты, которая в своем развитии, может быть, дальше продвинулась по отношению к основной массе. Прибегать к механизмам принуждения к идентичности: украинцев к европейской идентичности, жителей Донбасса к украинской идентичности. Вот данные последних исследований, которые были озвучены: на оккупированных территориях около 50% не идентифицируют себя как украинцев. Тамашние, так называемые, государственные деятели, утверждают, что в Донецкой республике нет украинских граждан. Со стороны Украины осуществляются усилия не только военного, но и социокультурного характера, во многом это как раз принуждение к украинской идентичности. Изучение механизмов нейтрализации этого принуждения поможет нам выработать дальнейшие шаги в политике по формированию этнической идентификации, в политике памяти, которая также связана с принуждением к идентичности.

Бакиров В.С.: Спасибо огромное, это серьезная проблема. И все-таки я хочу еще раз спро-

сить, есть ли у кого-то аргументы в пользу реалистичности, возможности и вероятности европейской перспективы для Украины. Слово предоставляется профессору Кононову Илье Федоровичу.

Кононов И.Ф.: Спасибо, Виль Савбанович. Вначале я хочу остановиться на категориях анализа. Когда мы говорим о Европе, Азии, степи, лесе и т.д., мы используем сетку категорий цивилизационного анализа. Причем, когда мы говорим о Европе вот так генерализированно, то это определенная мифологизация, потому что Европа разная. Посмотрите на Венгрию. Это несчастная страна, которая не нашла своего места в Европейском союзе. Да и Европейский союз сам расслаивается на центр, полупериферию, периферию. Поэтому, говоря о Европе, надо всегда понимать, о какой именно Европе идет речь. В какой Европе мы хотим занять место, среди каких стран? Исследования, которые проводит Институт социологии, показывают, что мы попадаем в один разряд с Болгарией. И развиваться мы будем соответствующим образом, даже если будем в Евросоюзе. Тут ведь дело не только в Европе, но и в нас самих.

Теперь обратим внимание на альтернативу этому цивилизационному подходу. Таковой будет мир-системный анализ. В этом случае трагедия Украины состоит в том, что она, получив независимость и будучи среднеразвитой страной, начала скатываться на периферию мировой капиталистической системы. И у нас сформировался капитализм периферийного типа, где главными социально-экономическими процессами являются процессы обмена власти и собственности. Причем, такая конвертация – это циклический процесс, который обуславливает все остальные процессы. Причем, обмен властью и собственностью включает в себя еще один момент. Это момент снятия со страны административной или бюрократической ренты. Административная рента – это самый прибыльный вид бизнеса. У нас это называют эвфемизмом «коррупция». На самом деле, это не коррупция, а значительно худшее явление. Потому что эта рента фактически превращает государство в хищника или паразита, который высасывает все соки из экономики. И сейчас мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда в условиях кризиса значительно более сильным оказалось гражданское общество, которое постоянно костерили и говорили, что у нас только зачатки гражданского общества и т.д. А на самом же деле, кто снабжает бойцов на передовой? Волонтеры. Кто воевал вначале с российскими агрессорами? Волонтеры, то есть гражданское общество. Возникает вопрос, а почему началось это скатывание на периферию мировой капиталистической системы? Это же не просто так, надо найти аттрактор, который обусловил движение процесса именно в этом направлении. Его обусловила элита, формирующаяся на тот момент элита и те процессы, которые вели к ее формированию и консолидации. Но фактически собственная элита и затолкала Украину на это

место. А почему элита заняла такое положение, она ведь не только снимает с Украины административную ренту. Она является инструментом для снятия геоэкономической ренты в рамках мировой капиталистической системы. В конечном итоге, куда выводятся деньги? Они выводятся в центр мировой капиталистической системы. И возникает такой автокаталитический процесс, который подталкивает к углублению этого состояния. И задача Украины – разорвать этот процесс. Я вижу проблему в этом.

Бакиров В.С.: Спасибо, Илья Федорович. Пожалуйста, Анатолий Николаевич Шатохин.

Шатохин А.М.: Дякую. Дійсно, сьогодні були озвучені цікаві думки відносно впливу Європейського союзу і Росії на Україну. Ну, здавалося б, очевидно, що абсолютно вплив полягає в тому, що події на Галичині і на Донбасі сприймаються ментально зовсім по-різному. Я ставлю запитання, а як цей вплив відбувається? У мене таке враження, що зараз не можна навіть знайти якісь індикатори цього. Але і Росія, і Європейський союз впливають, на моє переконання, як глобалізовані системи. І на певному етапі їхні зближення і тотожність більші, ніж розбіжності. Як вже було неодноразово в нашій українській історії, на жаль, Україна залишається поза цим процесом. Тобто те, що може об'єднати або зробити ситуацію протистояння між Європейським союзом і Росією ще більш значним, що може виключити Україну (як гірший сценарій) з історичного процесу. Ми теж проводили опитування по центральній Україні відносно європейської інтеграції спочатку в листопаді 2013 року (на початку Майдану), а потім у березні 2014 року (по його закінченні). Зараз знов проводимо дослідження (рік після Майдану). Які тенденції виявилися? А тенденції дещо несподівані. Полягають вони у тому, що, безумовно, «європейська інтеграція» за рейтингом посідає перше місце, але кількість тих, хто її підтримував, у листопаді 2013 року і в березні 2014 року різна. Йде зниження, причому дуже суттєве. І друга тенденція: за цей період ставлення до Росії практично і є в цілому позитивним. Зазначу, що в центральній Україні ми маємо тенденції як західного, так і східного менталітету, тобто є певне віддзеркалення ситуації в Україні. Мені здається, що варто подумати над тим, чи зможе Україна бути реальним суб'єктом європейської політики. Якщо така ситуація не зміниться (ми саме зараз і досліджуємо, чи зберігаються ці тенденції протягом останнього року), якщо ці тенденції будуть й надалі такі ж самі, тобто доля України буде за межами дії глобалізованих систем, тоді перспектив, мені здається, немає.

Бакиров В.С.: Дякую, Анатолію Миколайовичу, за висвітлення цієї проблеми у контексті настроїв мешканців Центральної України. Будь ласка, Олександр Миколайович Поступний.

Поступной А.Н.: К сожалению, я пессимист, когда гляжу на будущее Украины. И считаю, что значительная доля вины за невозможность реализации этой перспективы лежит на нас с вами. Ибо

мы ответственны за то, что наше население с конца 1980-х годов живет в мире иллюзий. Советский Союз развалился легко и быстро потому, что значительную часть общества убедили в том, что, переходя на рыночную экономику, мы чуть ли не сразу становимся европейски развитой страной. Выбор ориентира понятен: сегодня это, действительно, наиболее привлекательные страны. Другое дело, каким путем надеялись достичь этой цели. Население убедили, что ему-то и делать ничего не надо, поскольку рынок с его «невидимой рукой» самостоятельно сделает все необходимое. Главное – не мешать ему. И все получим «на халяву». Увы, не получилось. Пресловутые «ручки» оказались то ли неумелыми, то ли шаловливыми. Однако большая часть населения до сих пор верит, что европейское благосостояние Украины возможно достичь в самые короткие сроки. Так вот, в этой ситуации большая часть населения до сих пор верит, что европейское будущее – это светлое, либеральное, демократическое общество, и это – светлое будущее всего человечества. В конце прошлого года очень многие были уверены, что для этого достаточно было всего лишь подписать Соглашение об ассоциации. И сразу получить от Европы все блага. Украина все еще живет девизом великого комбинатора Остапа Бендера (включая тех, кто уже не знает, кто это такой) – «Заграница нам поможет». Не поможет. Украина почти банкрот, но Запад не только не списал нам прошлые долги, что делал для многих, но и тянет с новыми займами.

Утверждение о том, что богатое демократическое либеральное общество – это светлое будущее всего человечества, а главное, будто бы развитые страны Запада будут в этом всячески помогать всем желающим – это или шутка, или глупость, или сознательная ложь. Мир циничен и жесток. Сегодня это целостная мировая система в виде пирамиды, на вершине которой находятся страны Запада, ниже – менее развитые и так далее до самых убогих, лежащих в ее основании. А главное – процветание процветающих – это не только результат их собственного труда, но и созданной ими глобальной системы безвозмездного изъятия прибавочной стоимости, создаваемой менее развитыми странами. Кстати, в переведенном американском учебнике «Социология» Дж. Массиониса на 30 странице есть чудные слова: «Хотя мы склонны считать благополучие нашим достоинством, социологический подход показывает, что эти достижения связаны, в основном, с привилегированным положением, которое занимают США в глобальной социальной системе». О механизме ее функционирования Дж. Массионис не говорит, но спасибо ему уже за признание такой системы, за счет которой в основном и создается благополучие США. Бенефициарами этой системы являются и другие развитые страны. И все это за счет остальных менее развитых стран, Украины в том числе. Данная система базируется на существующем неравенстве в развитии стран, и Запад всеми доступными ему средствами пытается воспроизводить его. Что, кстати, и составляет суть мировой поли-

тики. Обострение последней как раз и объясняется тем, что данная система вступает в кризис.

Высокоразвитой Украина может стать не благодаря, а наперекор усилиям развитых государств, поскольку мы с ними конкуренты. Конкуренты за право пользоваться плодами НАШЕГО труда. И такой вариант возможен, как показал опыт десятка государств Юго-Восточной Азии, совершивших во второй половине прошлого века цивилизационный рывок. Но для этого существует лишь один путь – мобилизационный вариант развития. Но поскольку он предполагает, как минимум, пару десятилетий упорнейшего труда всей страны, о нем не хотят и слышать. Не случайно о нас придумали анекдот, в котором украинцы спрашивают мудреца: «Есть ли у нас вариант стать процветающей страной?». Тот отвечает: «Есть, и их даже два: реальный и фантастический. Реальный простой: прилетают инопланетяне и все за вас делают. А фантастический – вы все это делаете сами». За все годы независимости Украины ни один ее руководитель, ни одно правительство не сделали даже попытки пойти по этому пути. И времени для принятия решения все меньше. Мы или приступим в ближайшее время к реализации такого варианта или уже не успеем никогда. И второе более реально.

Бакиров В.С.: Спасибо. Мрачноватый прогноз.

Головаха Е.И.: А почему мы вообще должны быть нужны Европе? Вы задавали себе этот вопрос? Мы разве нужны кому-то? Каждый нужен сам себе. Более того, Европа, наступая на свои интересы, сейчас содержит Украину. Если бы не было помощи Европы и США, то мы бы рухнули уже год назад. Учитывая, в каком состоянии был бюджет, мы бы рухнули уже год назад. Вообще-то Европа прекрасно к нам относится, гораздо лучше, чем могло бы быть. Поэтому я не вижу проблемы в отношении Европы к Украине. Проблема в качестве элит. Кстати, о населении, оно очень проевропейское, перспектива прекрасная. Мы увидели – абсолютно изменилось сознание: две трети украинцев хотят в Европу. Все прекрасно. Кроме качества элит. Я же говорю, пришла новая, неопределенная элита. Мы знаем, кто нами руководил: партийные работники, красный директорат, комсомольцы. А сейчас абсолютно неясно, кто руководит Украиной. Ее перспектива зависит не от Европы. Европа будет держать нас до конца. В Европе осознали, что идет степь. Мы только начали думать, а они уже поняли. Все зависит сейчас только от нас. Если мы сумеем это руководство сделать, так сказать, меняемым, то, я думаю, все будет хорошо.

Поступной А.Н.: У меня только два коротких ответа. Первый: каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Второй: если бы мы были не нужны Европе – это было бы великое счастье.

Бакиров В.С.: Спасибо, Евгений Иванович, спасибо, Александр Николаевич. Ольга Николаевна, прошу Вас.

Балакирева О.Н.: Спасибо. Я просто хочу немножко продолжить мысли, которые уже прозвучали. Вот, Вы, Виль Савбанович, задали вопрос о путях развития, Вы спросили о перспективах для Украины. Но сегодня к путям развития можно добавить, на мой взгляд, другой вопрос: «Украина как единое государство или все-таки будут изменения в политической системе, может быть, изменение количества государств на территории Украины как определенный вариант (два государства или три государства)?». Это тоже, с моей точки зрения, размышления о путях развития. В феврале месяце 2014 года я была в Харькове на «круглом столе» (Виль Савбанович знает об этом), который был проведен по инициативе М. Добкина и который имел очень красивое название «Перспективы дальнейшего социально-экономического развития Украины». Собственно говоря, поэтому туда меня и направили. Это был фасад. Содержательный разговор был о том, что Украина неоднородна, что нужна в определенной степени... (слова «федерализация» там не было, поскольку это запрещено у нас). Но, тем не менее, шла речь об усилении автономии, децентрализации и построении Харьковско-Одесской дуги. Для меня некоторые фразы звучали впервые, и я пыталась понять, что они значат. Я достаточно резко выступала и говорила, действительно, о необходимости децентрализации. Потому что сегодня вопрос путей и перспектив Украины настолько многогранен, потому что нам надо решить проблему войны и мира, решить проблему экономического развития, решить проблему политического и административного устройства.

Если говорить о том, готовы ли мы быть в Европе и готовы ли мы идти в Европу. Евгений Иванович скромно умалчивает, он сделал интересные разработки о том, что нужно сегодня формировать у населения проевропейские ценности путем формирования ценностей-медиаторов, которые позволят перейти от постсоветских ценностей к европейским ценностям. И сегодня, с моей точки зрения, это нужно популяризировать и использовать. И давайте думать о том, что мы как преподаватели, учителя школ, гражданское общество, можем повлиять на содержание образования и воспитания в системе образования. Если мы этого не сделаем, мы никогда не изменим систему норм прав и обязанностей, которые сегодня разрушены. Мы проводили небольшие фокус-группы с молодыми людьми, которых мы отбирали как креативных, активных личностей. И спрашивали у них об их поездке в Европу, что они оттуда вынесли. Вы знаете, часть из них сказала: «Нам там не понравилось, потому что машину парковать, где угодно, нельзя. Потому что нужно жить по правилам. Потому что нельзя вести себя так, как ты хочешь, иначе тебя задержат, ведь ты неправильно себя ведешь». То есть то, на что здесь общество не обращает внимание, то, что стало нормой, точнее, искажением нормы, там, в Европе, этого делать нельзя. И если мы не изменим свое мировоззрение, не поймем, что нужно жить по

правилам, что есть то, что можно, и то, что нельзя, и это относится ко всем в одинаковой мере. Поэтому и вопрос формирования элит я пыталась поднимать на разных «круглых столах» еще где-то в 2002-2003 гг., когда независимости было не более 10 лет и та управленческая элита, которая воспитывалась старой идеологической системой коммунистической партии, которая воспитывалась как элита, которая понимает механизмы взаимодействия, она была напрочь разрушена. И посмотрите, сколько непрофессиональных людей мы имеем сегодня в министерствах, в парламенте, в районных администрациях, в областных администрациях и т.д., которые не готовились и не готовятся как управленцы. Это еще одна большая проблема, с моей точки зрения, для Украины.

Я бы хотела отреагировать на некоторые другие вопросы нашего «круглого стола».

В частности, по поводу третьего пункта, есть ли у социологии адекватный язык и понимание сложившейся ситуации. С моей точки зрения, есть. Особенно если учитывать опыт не только отечественной социологии, но и мировой социологии. Вопрос в том, насколько мы им владеем. А владеем мы им неравномерно, не все хотят учиться, не все понимают, зачем это нужно.

С точки зрения этики профессиональной деятельности, мне кажется, что сегодня у социологов должна быть очень активная, инициативная позиция. Не ждать, пока дадут заказ, или кто-то сверху скажет, что что-то нужно делать, нужно пропагандировать, навязывать, предвидеть. Функция предвидения, гражданская активность, мне кажется, что это должно сегодня стать доминантой профессиональной деятельности социологов. Спасибо.

Бакиров В.С.: Большое спасибо, Ольга Николаевна. Мне очень понравилось выступление Ольги Николаевны. Если мы хотим еще что-то хорошее увидеть в нашей жизни, чтобы увидели наши дети и наши внуки, то возникает вопрос, кто за это отвечает, кто является движущей силой этого процесса. Мы сегодня уже услышали, что полагаются на нашу управляющую систему, на нашу элиту невозможно. А рассчитывать, что все само произойдет, что рынок все сам сделает, и все «на халяву» мы получим, – это все утопичные и тщетные иллюзии. Значит, надо искать субъектов позитивных перемен, субъектов позитивного развития, субъектов позитивных социальных изменений. Ольга Николаевна говорит, что таким коллективным субъектом может быть только просвещенная часть общества, только интеллектуальная элита, если у нее есть достаточно моральных, интеллектуальных, человеческих и прочих пассивных ресурсов этот мир постепенно изменять. Сегодня таких ресурсов нет, но через 10-20 лет в ходе напряженного, длительного, самоотверженного, просвещенческого труда мы сможем что-то заложить в сознание людей. Сегодня мы живем (может, я скажу вещи оскорбительные) в среде нравственно извращенных людей, мо-

рально деформированных, морально дефектных и сами такими же в какой-то степени являемся. Вот этот морально извращенный социум хочет стать цивилизованным, просвещенным, активным, гуманным и т.д., но никогда он таким не станет. Кто-то должен взять на себя функцию просвещения. Простите, пожалуйста, может, я несколько жестко сказал.

Пожалуйста, Виктория Леонидовна, Вам слово.

Погребная В.Л.: Я бы очень хотела поддержать выступление, которое сейчас прозвучало, озвучив буквально несколько тезисов. Тезис № 1. Мы все живем в мире ассоциаций, поэтому, определяя свою перспективу (Европа – не Европа, Восток – Запад), в первую очередь, ориентируемся на собственное восприятие выбранных ориентиров. Это в одинаковой мере относится и к нам – социологам, и к нашим респондентам. Так сложилось, что сегодня сформировались и активно действуют стереотипы: Европа – это движение вперед, а Россия – назад, то есть прогресс ассоциируется с Западом, а возвращение в Советский Союз – с Россией. Поэтому, когда мы проводили исследование среди студентов Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, то не спрашивали у них, хотят ли они в Европу или в Россию, даже не интересовались, считают ли они себя европейцами, потому что ассоциации с Европой и Россией у всех разные. Мы поставили вопросы: «Видите ли Вы в ближайшей перспективе Украину в Европейском союзе?» и «Видите ли Вы в ближайшей перспективе Украину в союзе с Россией?», сопровождая их открытым вопросом: «Почему». Так вот, каждый 5-6 респондент (18 %) сказал, что нам вообще никуда сейчас нельзя идти, что мы не можем «ползти на коленях», что нужно сначала стать на ноги, чтобы не чувствовать себя бедными родственниками, ожидающими, что Европа (или Россия) будет нас поддерживать, помогать, «тянуть». Заметьте, это говорят молодые люди, за которыми будущее Украины. Значит, сформировалось поколение, не боящееся много работать, брать на себя ответственность, не желающее, чтобы за них все решали. Стало быть, их ассоциации выбора связаны не с традиционными для постсоциалистических стран культурными ценностями, а с возможностями самореализации. Отсюда тезис № 2: нельзя не учитывать возрастной фактор. Мы все видели кадры голосования во время референдума в «ДНР» и «ЛНР». Даже, если сделать поправку на фрагментарность получаемой нами картинки, то все равно видно, что основной контингент голосовавших составляли люди зрелого возраста, ассоциации которых по-прежнему ориентированы на СССР с его классической схемой: «споткнешься – поддержи, упадешь – поднимем, сядешь – на поруки возьмем». В этом, на мой взгляд, и лежит корень сегодняшнего украинского вызова: если для молодых людей перспектива Украины ассоциируется с возможностью изменения своей жизни, то

для старшего поколения – сохранения того, что их устраивало в прошлом.

Бакиров В.С.: Спасибо, Виктория Леонидовна. Елена Андреевна, Вам слово.

Здравомыслова Е.А.: Я все-таки хочу сказать что-то как социолог и, может, повторить, то, что я говорила сегодня на пленарном заседании конференции. Потому что очень опасно то, что мы сегодня в неустойчивой, быстро меняющейся ситуации проводим массовые опросы, которые применяются для спокойных, устойчивых, стабильных систем, для работающих структур и правил, для устойчивых, сформировавшихся мнений, которые не меняются конъюнктурно и очень быстро. И мы это все меряем, с помощью жестких методик, при этом смысл вопросов, которые мы формулируем в своем инструментарии, может быть непонятен информантам. Эти вопросы – очень высокого уровня абстракции. Я просто помню вопросы раннего постсоветского времени, когда спрашивали «Как Вы относитесь к демократии?» и после этого делали вывод. Или еще спрашивали «Как вы относитесь к мигрантам?», а потом делали вывод: ах, они фашисты. Я считаю, что в этом случае нужно говорить о нашей профессиональной сензитивности как критических социологов (пользуясь терминологией Бурового). Вы знаете, что он различает четыре типа производства социологического знания: профессиональное, прикладное, критическое и публичное. Не буду все сейчас пересказывать, но по каждой из этих моделей социологического знания есть специфика в условиях ломки структур и кризисных ситуаций. Главное, что наш инструмент непригоден, я могу сказать, что даже очень добросовестные исследования с соблюдением всех правил репрезентативной выборки на самом деле дают ответ на совсем другое. На то, что вывели сами люди. Мало того, результаты начинают использоваться в манипулятивных целях, и мы, социологи, не в состоянии контролировать, кто будет использовать результат, кто, какая партия, и как проинтерпретируют. Потому что дело не в цифрах, а дело в том, как проинтерпретируют. И в этом смысле дело становится очень опасным для самих наших информантов. А у нас есть принцип – не навредить, да, потому что мы манипулируем ними. Я хочу просто обратить ваше внимание (я качественный методолог, поэтому еще раз повторюсь): прогностическая функция социологии в этой ситуации, в которой оказалась сегодня Украина (и не только она), мне кажется, реализуется довольно слабо. Я бы призвала всех вспомнить о понимающей социологии, обратиться к стратегиям людей, к их обоснованиям, а не только к исследованию ценностей, которые мы сейчас проводим с помощью стандартных методик, и меряем непонятно что. Мы должны обращаться к изучению повседневности людей в кризисной ситуации: как они решают свои проблемы, какие ресурсы для этого используют. Мы уже знаем, что гражданское общество помогает. А где исследования? Где исследования о том, как гражданское обще-

ство формируется, как оно помогает выживать беженцам и решать проблемы нехватки еды, жилья и многого другого.

Бакиров В.С.: Спасибо, Елена Андреевна. Прошу, Оксана Акимовна, Вам слово.

Даниленко О.А.: Мне кажется очень важно, действительно, обратиться к качественным исследованиям. Особое значение приобретает биографический метод, потому что особенности проживания человеком биографии помогают лучше понять, какие он смыслы вкладывает.

Бакиров В.С.: Оксана Акимовна, это не по вопросу, который мы сейчас обсуждаем.

Даниленко О.А.: Да, я понимаю. Но я о том, что те смыслы, которые вкладываются в слова «Европа» и другие, они биографически детерминированы, поэтому мне кажется очень важным развивать эту сторону качественных исследований, для того чтобы погружаться в глубинный смысл.

Бакиров В.С.: Спасибо. Но, друзья мои, пока мы абсолютно ничего не прояснили. Мы много говорили, но ничего не прояснили. У Украины есть несколько перспектив. Есть краткосрочные перспективы – это, как мы пройдем зиму, это мы не трогаем. А есть перспективы долгосрочные, и я не услышал ни одного аргумента в пользу того, что у нас есть какие-то шансы на лучшее, что нашим внукам захочется жить в Украине. Пожалуйста, Евгений Иванович.

Головаха Е.И.: Через два года в США будет президент-республиканец и все это безобразие устраним.

Бакиров В.С.: Я все-таки хочу вернуть дискуссию к первому вопросу, который абсолютно не прояснен. Абсолютно. Я хочу вот что сказать: представьте себе, что не случился бы Майдан, как бы люди к нему не относились. В принципе хорошо, что случился Майдан, потому что представить себе десятилетия правления Виктора Федоровича, который из года в год круче и круче становился, представить себе десятилетия прокурорского, правоохранительного, судейского произвола, террора и рэкета просто страшно. Я вообще не представляю, что от нас осталось бы через десять лет. Это трудно представить. Сейчас у нас «революция достоинства», и это все как-то приостановилось, прекратилось. Мне многое не нравится из того, что сейчас происходит, меня многое совершенно не устраивает. Меня пугает и не устраивает демагогия, популизм, нетерпимость, истеричность, я много могу на эту тему говорить. Но мы сейчас получили шанс, и я убежден, что он последний. Сколько Украина будет существовать тысячу лет или две тысячи лет, но второго такого шанса не будет. Это наш последний шанс, может, даже и первый, и последний. И мы должны стать пусть не Европой, пусть не Северной Америкой, а стать мало-мальски нормальным государством, с нормальным правом, с железным законом, с уважением к людям, с какой-то хотя бы минимально эффективной экономикой. Мы должны пожить нормальной жизнью, ведь все мы хотим пожить нормальной жизнью. А перспективы для этого

у нас абсолютно туманні. Никто ничего не говорит, как это все реализовать, есть ли у нас ресурсы, есть ли у нас какие-то люди и силы, которые могут это сделать, потому что уповать на власть имущих можно, но это бесполезно. Они ничего не сделают. Уповать на массы, но массы тоже у нас оставляют желать много лучшего. Уповать на интеллектуалов, но и они у нас тоже оставляют желать много лучшего. На кого уповать?

Бакиров В.С.: Пожалуйста, Алексей Александрович, вам слово.

Мусяев А.А.: значит, где-то в году 2011-2012 меня, и я думаю, многих из нас не покидало ощущение какой-то безысходности. Угнетала мысль о том, что мы живем в обществе, где все движется к чему-то плохому, и я пытался выяснить, что происходит, каковы перспективы и есть ли они. Знаю, что многие из нас об этом думали. И абсолютно не основываясь ни на каких исследованиях, у меня появилась такая гипотеза, что элитой тогда были те, кто привык делить ресурсы, забирать ресурсы, перераспределять их, но, с другой стороны, появлялись те, кто привык ресурсы производить. И при тотальном контроле первых само по себе общество вряд ли что-то могло этому противопоставить. То есть, по сути, речь шла о том, что нужна какая-то контр-элита, те, кто производит, те, кто заинтересован в таком порядке, при каком их деятельность защищалась бы. Контр-элита – это производители. И единственный вариант изменения той ситуации виделся в каких-то катаклизмах, катастрофах, связанных со сменой элит. И в результате произошел Майдан, который я назвал бы буржуазной революцией, не претендуя на оригинальность. В январе мне повезло участвовать в исследовании харьковского Евромайдана. Я интервьюировал организаторов и обычных участников. И эти интервью дают возможность ответить на вопрос, что понимается под «Европой». Под Европой люди, которые участвовали в Евромайдане, понимали одну единственную вещь – торжество закона как основу для уважения человека. Это не был уровень материальный, это не была возможность безвизового посещения Европы.

Бакиров В.С.: А они понимают, что при торжестве закона они не смогут парковать, где захотят, свои машины?

Мусяев А.А.: Люди, которые отвечали мне, говорили следующее: «Я прекрасно понимаю, что от интеграции в Европу, учитывая европейский рынок, лично я, скорее всего, потеряю. Это невыгодно с экономической точки зрения. Но с точки зрения торжества закона, а, значит, самоуважения – это мне выгодно. И я хочу именно этого».

Бакиров В.С.: Алексей Александрович, какое отношение имеет сказанное Вами к первому вопросу?

Мусяев А.А.: Оно имеет прямое отношение, поскольку люди, которые имеют подобные стремления, имеют и производственные ресурсы, экономические и интеллектуальные. Опять же, если мы посмотрим на активистов Майдана, то это очевидно. И в этой связи мне видятся пер-

спективы в позитивном ключе. Это люди, которые рассчитывают не на то, чтобы идти в Европу, а на то, чтобы сделать ее здесь.

Бакиров В.С.: Что это за люди? Откуда они взялись? Откуда они появились? Что это за слои? Кто они такие?

Мусяев А.А.: Я бы сказал, что это новая буржуазия, то есть люди, связанные с производством, а не с перераспределением. Это то, что можно назвать креативным классом. Это если в 2-х словах.

Бакиров В.С.: В Харькове производство развито?

Мусяев А.А.: В Харькове – да.

Бакиров В.С.: Так, креативный офисный класс.

Мусяев А.А.: Не офисный. Это люди, не связанные с офисом. Офисный класс обычно связан с корпоративными ограничениями, а эти – скорее, фрилансеры, могущие иметь преимущественно от глобальной экономики, профессионалы, не связанные с организационными иерархиями. Вот этот самый класс профессионалов плюс новая настоящая «производственная» буржуазия и являются двигателями нынешних перемен. То есть прогрессивные слои, и потому я вижу положительные перспективы.

Бакиров В.С.: Ну, хорошо. Я понял. Есть такая социальная группа. Пожалуйста, Кононов Илья Федорович.

Кононов И.Ф.: Когда мы говорим о будущем страны, надо принимать во внимание не только процессы, которые разворачиваются в самой стране, и не только наше личное желание. Мы должны принимать во внимание состояние мировой системы политической и должны анализировать хотя бы своих ближайших соседей и главных политических игроков в мире, с которыми мы связаны.

Не буду претендовать на всю полноту анализа. Вот, скажем, Россия. Мы сейчас фактически в состоянии войны. Правда, эта война весьма странная и своеобразная. Так вот, фактически развитие процессов в самой России, которые связаны с ее внутренними противоречиями и с ее позиционированием в мировой системе, привели к тому, что для Украины вариант евроазиатской интеграции закрыт на настоящий момент. В настоящее время внутреннее развитие России закрыло перед нами это окно возможностей как таковое. И тут уже не имеет значения мнение населения и так далее, и тому подобное. Поэтому Европа как вектор движения становится тем окном возможностей, которое сейчас открылось (но мы не должны мифологизировать ситуацию: окна возможностей открываются и закрываются), становится единственной перспективной.

Но нам надо попытаться понять и Россию. Нам жить с ней все равно рядом. Или помирать с ней рядом. Почему в России произошло такое перерождение правящей элиты? Первоначальный толчок исходил, на мой взгляд, из следующего: Россия с 1991 года тоже начала с полуперифе-

рийного положения скатываются на периферийное. Хищнические инстинкты первоначального перераспределения общественного богатства, фактический распад социальной ткани вызвали реакцию и у общества, и у правящего класса – этот тренд «сползания» необходимо прекратить. Но в конкретных российских условиях эта в целом здоровая реакция привела к злокачественному перерождению государственного аппарата. Под лозунгами порядка властью овладела группировка, сформировавшаяся в недрах КГБ и других силовых структур. Сформировалась определенная группа людей в элите России, которая фактически в результате спецоперации привела к власти Путина. Какую технологию они предложили обществу? Только одну – силовое решение всех проблем. И вся Россия попала под влияние того, что сами русские историки называют сейчас «Лубянской народной республикой». Это Ирина Галкина придумала такое название. Вот фактически позиция этой «Лубянской народной республики» многие окна возможностей перед Россией закрыло. Перед страной замаячила перспектива превратиться в мирового изгоя с ядерным оружием.

Решила Россия таким путем свои проблемы? Нет. Более того, российский правящий класс показал еще и не способность провести долговременный стратегический анализ, фактически втянув страну в авантюру, к которой ее, возможно, и подталкивали, авантюру, которая, возможно, будет стоить ей чрезвычайно дорого.

Теперь относительно Европы. Я тоже не вижу сейчас другого варианта развития страны. Но вопрос в том, каким образом нам взаимодействовать с Европой? На кого ориентироваться? Европейские структуры крайне аморфны. Европа сама расслаивается, и Украине здесь необходимо кроме Польши, иметь еще лоббистов. Иметь тех, с кем мы будем взаимодействовать.

И последний момент, внутренний – это вопрос об изменениях. Кто будет субъектом изменений у нас? Дело в том, что у нас элитные группы, особенно политический класс, он фактически самовоспроизводится и он главный виновник того, что произошло. Я не знаю, это, конечно, банальность, но зародыши противоположных тенденций, действительно, можно видеть только в гражданском обществе. Но оно тоже не однородно. Там тоже есть злокозненные начала, его тоже не надо идеализировать. Но, по-видимому, это единственный источник, откуда мы можем ожидать импульсы для внутренних изменений.

Бакиров В.С.: Спасибо, Илья Федорович. Уважаемые коллеги, подводя итоги первой темы, скажу следующее: нам очень бы хотелось повторить результат Южной Кореи или Сингапура и, конечно, нам нужно к этому стремиться. Можем мы это сделать, или нет, мы этого не знаем. Мне очень понравилось выступление Алексея Александровича Мусиездова. Я подталкивал сегодня всех (вы, наверное, ощущали) к тому, чтобы определить, кто может быть субъектом изменений. Кто может эту

жизнь изменить к лучшему? В своем выступлении Алексей Александрович Мусиездов сказал очень важное: он видел людей, которые не хотят жить так, как сейчас, понимая, что могут потерять и экономически, и статусно, но хотели бы жить нормальной человеческой жизнью. В сущности, в человека заложена эта потребность нормальной жизни, которая часто подавлялась, но иногда она просыпается. Абсолютно не претендуя на правоту, я скажу, что субъектами изменений могут быть люди, которым сейчас до 33-35 лет, которым было 8-10 лет в 1991 году, которые выросли в другой среде, имеют другой опыт, имеют другое образование и имеют другое сознание. Не сочтите за подхалимаж, я просто имел возможность общаться несколько раз с нашим замминистра, которому 30 с чем-то лет, и это абсолютно другой тип человека, другой тип руководителя и т.д. Это люди с другой антропологией. У них другое сознание, у них другой опыт. Эти люди вышли на нашу историческую сцену, и, наверное, они хотят другого. Они хотят жить другой жизнью. Они хотят жить по правилам. По правилам, по которым живет большая часть мира. Мы должны им помогать. Мы должны их исследовать. Мы должны как социологи понять, например, с помощью качественных методов, что это за нарождающаяся социальная сила.

Второе, что я хочу сказать. Конечно, нам надо как социологам обращать внимание на процессы культурной трансформации, трансформации идентичности. Европейской, не европейской. Это все происходит в головах людей, и это тоже нужно понимать.

Еще одна вещь очень важная – это геополитический императив, который нам что-то позволяет, что-то не позволяет. Наивно полагать, что мы делаем то, что хотим. Есть силы, есть страны, есть транснациональные всякие структуры, у которых свои взгляды и свои соображения по поводу Украины: какой ей быть, как ей развиваться, куда развиваться, и у них колоссальные рычаги воздействия, финансовые и прочие. И у них свое видение Украины, которое может не совпадать с нашим с вами. И очень сильно не совпадает, наверное. У нас очень много работы. Но самая главная проблема украинского общества – это отсутствие трудовой этики. Мы хотим получать высокие зарплаты, мы хотим сидеть в кафе, мы хотим танцевать, мы хотим ездить по всей Европе без визы, но мы не хотим при этом работать. Нам очень не хочется работать, хочется, чтобы кто-то нас кормил, одевал, обувал, давал деньги. Это тоже проблема. Нет ни одной процветающей страны в мире, где бы не было сильной трудовой этики. Даже в Италии. Север Италии – это одна экономика, одна трудовая этика, в южной Италии – другая. Наша трудовая этика абсолютно не совпадает с нашими желаниями, амбициями. Это тоже серьезная проблема. Но не все безнадежно. Я видел много молодых людей, которые хотят работать.

Давайте подведем черту под первым вопросом и зададимся вопросом номер два. Это про-

блема, о которой говорил в своем докладе Илья Федорович. Этноориентированный проект и проект со-гражданства. Проект согражданства – это по сути, то же, что политическая нация.

Когда был Майдан, когда горели шины, когда раздавались выстрелы и лилась кровь, один мой знакомый сказал: «Так выковывается, формируется нация, через кровь, через бои... это очень мощный импульс формирования нации». Но какой нации? Этнической? Политической?

Пожалуйста, Виталий Михайлович.

Онищук В.М.: Хочу сказати декілька слів про українську політичну націю. Треба починати з 1991 року, з референдуму 1 грудня. В Україні 92% громадян проголосували за незалежність України. Це була не етнонація. Східна частина України, точніше, Донбас (Луганська область і Донецька область) проголосував так: Донецька область – 87% за незалежність, Луганська – 83%. От тут можна було говорити не про етно-, а про українську політичну націю. Але сталося так, як сталося. Прийшла до влади еліта, яка «відкусила» пиріг, розвалила країну. Правильно сказав професор Бакиров, що це шанс, який нам дала історія. Хочу повторити слова Олеса Гончара, який напередодні референдуму звернувся до нації. Не партійний діяч, не державний діяч. До нації звернувся моральний авторитет, письменник, який сказав: «Цей шанс не треба упускати». Мені здається, що все ж таки у нас більше є політичного спів громадянства, аніж етнічного. Десять проявляються елементи етнічності, не тільки в Галичині, але й у нас, на Одещині, серед болгар, українців, молдован та інших. Це ті фактори, які ведуть нас до спільної нашої єдиної держави.

Головаха Е.И.: Единственное, что я бы сказал, это, то, что в 2014 году точно такой же вопрос, как на референдуме, задавал Институт политических и социальных технологий. Так вот, сейчас за независимость отдали голоса 92% (если не брать оккупированные территории). Сегодня это реальные 92% взрослого населения. Я думаю, что это показатель того, что отчасти нация создана.

Бакиров В.С.: Это на фоне конфликта.

Головаха Е.И.: На фоне войны.

Бакиров В.С.: Я дякую Віталію Михайловичу за те, що відкрив шлях до дискусії і показав можливі варіанти розмови. Прошу, Віра Леонідівна Арбеніна.

Арбенина В.Л.: Я бы ответила на вопрос о нации так. Безусловно, формирование политической нации в Украине возможно, и есть уже достаточно много свидетельств того, что она формируется, но при условии, если мы четко откажемся в наших политических лозунгах, в нашей реальной политике от ориентации на этническую модель нации. Потому что у нас вся идеология, если можно так сказать, деятельность всех социальных институтов ориентирована на то, чтобы способствовать формированию украинской нации как этнически ориентированной нации. И в этом, мне кажется, основная причи-

на того, почему у нас не идет процесс консолидации страны. Если мы вспомним, что явилось очевидным толчком (одним из толчков) того, что поднялся Донбасс. Собрался Верховный Совет и первое выступление, которое прозвучало на его заседании, это предложение изменить закон о языке Кивалова-Колесниченко. Это было первое, что сделал Верховный Совет, собравшись после Майдана. И вот такие вещи, мне кажется, выталкивают не только Донбасс, частично Харьков, Одессу и другие русскоязычные города. Я уже много раз выступала и говорила о том, что русские в Украине – это украинские русские. Это русские, которые ориентированы на Украину, которые хотят жить в Украине, но хотят, чтобы их признавали полноценными гражданами Украины. Можно изменить элиту, но нельзя изменить народ. Нельзя изменить его историю, его географию. Нужно считаться с тем, какова реальная ситуация. Поэтому мне кажется, что однозначная и очень жесткая нацеленность на построение политической модели нации – это то, что может в перспективе консолидировать население Украины.

Бакиров В.С.: Вера Леонидовна, у нас нация политическая сформирована?

Арбенина В.Л.: Нет.

Бакиров В.С.: А этническая?

Арбенина В.Л.: Нет.

Бакиров В.С.: А какая есть?

Арбенина В.Л.: Никакая. У нас нет национальной консолидации.

Бакиров В.С.: Пожалуйста, Ольга Аркадиевна.

Филиппова О.А.: Я хочу обратить внимание на несколько моментов. Когда мы говорим о формировании украинской нации, с моей точки зрения, очень важно посмотреть на теоретические концепты, которые мы используем, и на социальные практики. И в этом плане я обращаю внимание на концепт политики идентичности. Очень кратко. Что такое политика идентичности? Фактически, политика идентичности – это кто предлагает и контролирует смыслы идентичности в обществе. Кто предлагает нам смысл, кто такие украинцы? И кто контролирует эти смыслы? Вера Леонидовна сказала, что не сформирована ни политическая, ни этническая нация. Что касается моей позиции, я бы очень не хотела, чтобы сформировалась этническая нация, нация по этническому принципу. То, что мы видим сейчас на Донбассе – это тоже участие в политиках идентичности. Кто предлагает смыслы? Те смыслы идентичности, которые предлагались сверху, не учитывают те смыслы идентичности, которые предлагаются снизу (в данном случае, на Донбассе).

Сегодня профессор Катаев говорил о принуждении к идентичности, так вот, политика идентичности может проходить как признание идентичности и как принуждение к ней. С моей точки зрения, в Украине в формировании политической нации очень плохо используется механизм признания идентичности. К сожалению,

целостный проект украинской политической нации никто не предложил. Отдельные политические партии в тех или иных документах что-то нам предлагали. Но на повседневном уровне, не в сфере политики мы видим формирование политической нации, когда гибридность (с точки зрения позитивной коннотации) становится нормой. Для нас норма – говорить и по-русски, и по-украински и не акцентировать внимание на этом. Если мы возьмем другие этнические языки, то к украинскому и русскому языкам добавляется еще много других. Так вот, гибридность становится нормой (с позитивной точки зрения) для населения, но гибридность не становится нормой для политики идентичности, то есть смысла идентичности, который предлагается нам сверху (политическими партиями, институционализированными социальными акторами, различными институтами и т.д.).

Кононов И.Ф.: Одна реплика: не политической нации быть не может. Другое дело, какие модели формирования политической нации. То ли это этническая консолидация с лояльностями, когда сливаются этническая, культурная и политическая, или же это тоже политическая нация, но это проект согражданства. Тут просто терминологические наложения возникли. А они крайне нежелательны.

Бакиров В.С.: У нас в Конституции четко и ясно записано, что Украина базируется на понятии политической нации. Это конституционная норма. И все призывы строить этническую нацию – антиконституционны.

Головаха Е.И.: Но реально есть региональная идентичность. Вот на Донбассе... Не случайно там все началось. Все очень просто. Там региональная идентичность существенно преобладала над национальной. Вот и все. В Харькове, кстати, было 50 на 50. Это очень интересно. В Харькове шла борьба двух Майданов. И когда подсобило государство или Коломойский, мне трудно судить, это безобразие закончилось. А на Донбассе четко региональная идентичность. И вся идеология Донбасса сегодня, посмотрите, мы не русские, мы жители Донбасса и считайтесь с нашим мнением.

Бакиров В.С.: Я понимаю, что для запада Украины выгоднее открывать дорогу туда, для восточной – туда. Но не только это определяет отношение. А традиции, а язык? А религия? А многое другое? Другие привычки, традиции, другая историческая память.

Головаха Е.И.: Украину покрасили в «жовто-блакитний колір», и я считаю, что это колоссальный позитивный результат, все равно интеграция произошла. Нужен был внешний враг – Россия, но у нас повысилась с 49% до 60% преимущественно украинская государственная идентификация. Юг Украины принципиально изменил свою ориентацию, поверьте мне. На юге Украины произошел перелом, и там не будет того, что было на Донбассе. Идет процесс формирования национальной государственной интеграции, гражданской идентичности. К сожалению,

для этого нужен был внешний враг, которым оказался самый братский народ. А теперь посмотрите, как к нему относятся по последним данным. В 2 раза сдвинулась социальная дистанция. Россияне были самыми близкими, теперь они отодвинуты туда, где все остальные народы. Большинство теперь к России относится отрицательно. Вот вам и результат. А нация формируется на враге.

Бакиров В.С.: Мы уже практически подходим к концу заседания нашего «круглого стола». А теперь обратимся к проблеме наличия/отсутствия языка, адекватного понятийного аппарата для того, чтобы анализировать то, что происходит сейчас в Украине. Проблема профессиональной этики. Это вечная проблема, она всегда актуализируется в таких ситуациях. Была высказана точка зрения, что такой язык у нас есть. Ольга Николаевна на этом настаивает. Возможно, есть другие точки зрения или позиции и аргументы в подтверждение этой позиции. Прошу высказываться.

Обращаюсь к Александру Ивановичу Кизилу. Пожалуйста, Александр Иванович.

Кизилев А.И.: Что касается, тезиса Елены Андреевны о том, что нужно отказаться от массовых опросов и обратиться к качественной социологии и ее методам. У меня есть некоторые сомнения.

Здравомыслова Е. А.: Я не так сказала.

Кизилев А.И.: Ну, я несколько утрировал. Мы живем в сложное время. Сложное и интересное. Сложное, потому что многие вещи становятся предметом нашего исследования. Мы затронули тему «что поменялось у нас в Украине». Прогнозы были в основном пессимистические. Социологи должны изучать новые социальные процессы, гражданские движения, которые возникли. Например, речь шла о волонтерстве. На самом деле, на проблему надо смотреть шире. Такая самодеятельность пошла в массы. Институциональная, неинституциональная, но как ее расценивать? Как оценить народную люстрацию, когда наших политиков погружают в мусорный бак? На это можно смотреть по-разному. Но власть, элита, как мы ее называем, начала осторожно оглядываться на эти массы, а вдруг в мусорный ящик погрузят. Ну, как-то неприлично в костюме дорогом туда погружаться. Наверное, это плохо с европейской точки зрения. Но у нас массы пока не нашли других методов воздействия на власть и элиту. И самодеятельность в другом. Волонтеры снабжают армию, пошли воевать... Майдан как был организован? Я вот столкнулся с таким суждением, и, наверное, с ним соглашусь. Принципиальное отличие двух майданов (2004 и 2013 гг.), состоит в том, что первый был, в основном, спроектирован политически, а второй – результат самодеятельности.

Головаха Е.И.: Абсолютно. Я могу подтвердить. Был на самом первом, даже на предтече. Могу сказать: это было абсолютно внутреннее чувство ненависти к режиму. Видел, говорил с людьми.

Кизилев А.И.: Это – тот предмет исследования, которым должны заниматься социологи.

Меняется общество принципиально. Конечно, это связано прежде всего с молодыми людьми. Именно молодые люди выходят на первый план. Они делают ошибки, они радикальны, они другие какие-то, непонятные нам. Виль Савбанович возмущался по поводу того, что снесли памятник Ленину. Молодежь к этому относится спокойно.

Бакиров В.С.: Скажем так: я доволен, что снесли, но возмущался.

Головаха Е.И.: Виль Савбанович, я очень доволен, что первым депутата Журавского в мусорник отправили. Знаете, есть анекдот: «До этого мусорник не знал такого грязного содержимого».

Кизилов А.И.: Происходит то, что нам еще недоступно для понимания. Мы можем обозвать это привычными для нас терминами или понятиями и на этом успокоиться, но, мне кажется, что происходят такие качественные трансформации, которые еще не столь очевидны, они где-то, как-то... Вот что нужно изучать. Я согласен, конечно, с помощью массовых опросов этого не изучить. Потому что это грубый метод: и массовая статистика, и генерализация иногда нас уведут от сути. Но вместе с тем, я не соглашусь в полной мере с этим тезисом, во многих случаях генерализации показывают центральные тенденции в нашем обществе. Поэтому мы применяем и то, и другое. Все зависит от задач, которые ставит исследователь, от предмета и объекта, которые будет исследовать. В нашем обществе много и плохого, и хорошего происходит. Я оптимист, в отличие от коллег, которые себя идентифицируют как пессимистов. Я считаю, что у Украины есть будущее. Самое главное, что украинский народ, что бы мы тут не говорили, сам решает многие вещи. Мы не планировали Майдан, но он получился, правда, получился несколько жесткий. По поводу политической нации тоже могу сказать, что происходит. Мы в терминологии путаемся, в теории, выясняем, есть ли политическая нация, а она формируется. Никто не выяснял на Майдане, на каком ты языке говоришь. Они общались на любом языке. Пример – известное интервью «Эха Москвы», которое потом запретили. Журналисты говорят: «На каком языке они там разговаривают?» У них рабочий язык – язык этих вояк, которые защищают донецкий аэропорт, – русский! И когда меня спрашивают из МГУ, «как у вас русский там?», я говорю: проблемы не на этой линии: русский – украинец. Совершенно другая, так сказать, область противоречий. Сейчас обсуждается русскоязычный украинский патриотизм. Явление как бы противоречивое, с одной стороны. Люди говорят на русском языке, но считают себя украинцами. И это все социологии нужно изучать сегодня.

Головаха Е.И.: Поставить язык в основу формирования идентичности (национальной, государственной). Я надеюсь, до нас дошло, что этого нельзя делать.

Бакиров В.С.: Спасибо, Александр Иванович. Я вспоминаю Ирину Марковну Попову, которая еще на заре всех наших перестроек говорила:

«Почему нужно связывать патриотизм с языком? Я русскоязычная, но я гражданка Украины, патриот Украины». Но это тогда было как исключение. Потому что очень многие годы у нас было так, что если ты патриот, то ты должен говорить на украинском языке. И вот Майдан этот, пост-майдан изменил эту парадигму. И оказалось, что можно быть патриотом и даже украинским националистом, разговаривая на русском языке. У нас появились русскоязычные украинские националисты. Вдумайтесь: русскоязычный украинский националист. Это «работает» на создание украинской политической нации.

Уважаемые коллеги, возвращаемся к третьему вопросу. Мне кажется, что мы преувеличиваем сложности, которые возникли. Что, социология за 200 лет не выработала адекватного языка для таких процессов? Это первая революция в мире? А что, Питирим Сорокин не переживал что-то подобное и не писал об этом в своих работах? А что, никто не исследовал социальные движения? А что, никто не изучал конфликты? Мне кажется, что если посмотреть, покопаться в мировом арсенале социологической мысли, все это есть. Нам не хватает искусства все это адаптировать к нашим реалиям. Мы что-то новое в мир принесли, извините, чего не было раньше? У нас все было хорошо, и вдруг раз – украинский Майдан. И оказывается это абсолютно новый феномен, который мы теперь хотим изучить. А, может, это так и есть, я не знаю. Может, он особенный, уникальный. Итак, может, еще кто-то хотел бы включиться в дискуссию перед тем, как мы будем подводить итоги? Пожалуйста, Людмила Георгиевна.

Сокурская Л.Г.: Когда мы планировали этот «круглый стол» и формулировали вопросы, которые будем обсуждать, мы говорили о языке социологии: есть ли у нас такой аппарат, с помощью которого мы можем изучать то, что происходит сегодня. Как назвать то, что происходит сегодня на Донбассе? Мы говорим о терроризме, о сепаратизме и т.д. Но как правильно это назвать? Однако, наверное, главное все-таки не в этом. Последний вопрос, который мы сформулировали, – это вопрос нашего профессионализма. Тут Вы, Виль Савбанович, совершенно правы. Социология уже, действительно, давно выработала категориальный аппарат для того, чтобы изучать, в том числе, кризисные явления. Вопрос в нашем с вами профессионализме. Мы, 20 лет проводя «Харьковские социологические чтения», к сожалению, можем констатировать: профессионализм некоторых наших коллег, в частности некоторых из тех, кто присылает нам свои статьи, к сожалению, падает. Мне попалась на рецензирование статья, по поводу которой мне пришлось позвонить автору и спросить: «Заказчиком вашей статьи, вашего исследования был случайно не В. В. Путин?». В ответ посмеялись, но дело в том, что это количественное исследование и варианты ответов практически повторяют требования России к Украине в рамках разгоревшегося конфликта. Что должны были делать наши ре-

спонденты? Они, естественно, отвечали на этот вопрос, поскольку так было предложено. И мы с вами прекрасно знаем, каков вопрос, таков ответ. Это было бы еще ладно. Но мы прекрасно знаем, что есть очень сильное идеологическое воздействие наших опросов. И если мы уже говорим, что «вот так должен сделать президент», вот это он должен расформировать, что должна быть федерализация и т.д., человек думает, «ну, наверное, ко мне же пришли не самые глупые люди, пришли социологи. Они предлагают нам такие варианты ответов, наверное, так и нужно делать. Мы прекрасно знаем, как можно манипулировать результатами этих исследований. Вот в этом сегодня, как мне кажется, самая главная проблема: в нашем с вами профессионализме и в корректности тех исследований, которые мы с вами проводим. Мы слушали сегодня выступления, там разные были варианты: и такая нация, и такая, и такой вариант, и такой. К сожалению, мы все чаще и чаще сталкиваемся вот с такими, не вполне профессиональными исследованиями.

Бакиров В.С.: Спасибо, Людмила Георгиевна. Мы задели тему профессиональной этики социолога, которую обычно связываем с проблемами электоральных исследований, когда те, кто проводит опросы (не будем называть их социологами, назовем полстерами), не утруждают себя выходом в поле и в целом проведением исследования, пишут заказчику то, что ему нужно, но это еще раз повторю, относится не к социологам, а к конторам типа «Рога и копыта», которые дискредитируют нашу науку. С этим пытаются бороться Социологическая ассоциация Украины (САУ), вывешивая на своем сайте перечень социологических организаций, центров, вузов и т.д., аккредитованных при САУ как исследовательские службы, данным которых можно доверять.

Яковенко А.В.: Я долго думал – выступать, не выступать. Наверное, никогда в этой аудитории не звучало так часто слово Донбасс. Это и хорошо, и плохо одновременно. Я не знаю, как можно оценить эту ситуацию. Хотя Евгений Иванович всегда достаточно жестко рубит, я думаю, что сложно не согласиться с тем, что все, что там сейчас происходит, в категориях социологии охарактеризовать сложно, если это не назвать трагедией. И если мы ставим вопрос этики то, с моей точки зрения, этот же вопрос нужно поставить во главу угла в наших оценках людей, которые находятся по разные стороны баррикады. В этом тоже будет наш профессионализм. Мы сегодня много спорили, и спасибо Людмиле Георгиевне, что она затронула эту тему. Нам нельзя уподобляться некоторым политикам и уходить в

систему клеймения. Потому что она уже превратилась в систему самоклеймения. Я думаю, что ни Илья Федорович Кононов, ни Валерий Владимирович Бурега не дадут сказать, что мы пребываем в разных пространствах. Мы пришли оттуда, куда не дай Бог вам когда-либо попасть в плане человеческих трагедий и переживаний. Поэтому я хотел бы, может, немного драматизировав ситуацию, но, поверьте, это наша общая реальная судьба, это наши реальные судьбы, мы все ваши товарищи и ваши друзья, и верим, что вы относитесь к нам так же. Поэтому сегодня, все, что говорится с методической, методологической, теоретической точки зрения, – это очень хорошо. Но вопрос, который задавала в частном разговоре Ольга Николаевна, остается: что может социология сегодня реально сделать для гуманизации той катастрофической ситуации, которая сложилась в обществе. У нас появились социальные группы, которые мы воспринимаем достаточно, ну, скажем так, негативно. Но все-таки не все так плохо, как кажется. Мы забыли про солдат, которые воюют за Украину. Волонтерское движение – это замечательно, но оно ни в коей мере не решает всех проблем. Мы забыли о людях, простых людях, которые живут на той территории. И это тоже наши люди. Поэтому я думаю, что в этом отношении сегодня хорошо сказал Виль Савбанович: мы должны быть выше собственных эмоций, намного более чуткими, должны быть нравственными по отношению ко всем простым людям и в то же время больше требовать от политической элиты в плане урегулирования возникшего конфликта.

Бакиров В.С.: Спасибо, Андрей Вячеславович. Уважаемые коллеги, после этих слов можно спокойно подводить итоги работы нашего «круглого стола». Мы можем спорить, и не раз, по поводу концепций, понятий, подходов и чего-то еще, но, наверное, мы все едины в том, что социология, в меру своих скромных, а, может, и не очень скромных возможностей, сегодня должна служить людям. Не разделяя и не противопоставляя их. Служить не политическим играм и каким-то финансовым воротилам, а помогать преодолевать сложившуюся ситуацию, выходить из кризиса. Проводить исследовательскую и просветительскую работу, помогать обществу прозревать, не озлоблять людей, а делать их более толерантными, чтобы в стране преобладала не ненависть, не злоба, не разделение на «свой – чужой», а терпимость, понимание, сочувствие, милосердие и многое, многое другое. В этом есть наша профессиональная задача, наша миссия, наша профессиональная нравственность.